

# С ПРАЗДНИКОМ, ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕС

они ковали Победу

## ПРОШЛОЕ РЯДОМ С НИМ

**В неполных семнадцать лет призвали в ряды действующей армии Михаила Ивановича Ягнова. Это был суровый сорок второй год...**

**Лидия КОСТРУЛЁВА.**  
«НЖ».

— Посадили нас в вагоны и повезли на восток, — рассказывает ветеран. — Путь был долгим и утомительным. А навстречу шли эшелоны с сибиряками на запад. Мы с завистью смотрели, как они на остановках выскакивали из вагонов, раздевались до пояса и растирались снегом. Не зря всё-таки о сибирском здоровье идёт такая слава...

По дороге состав врезался в другой, стоявший на путях. Передние вагоны смяло буквально в гармошку, при этом погибло двести человек. Ужасная картина страшной катастрофы до сих пор перед глазами Михаила Ивановича: паровоз лежит на боку и гудит, всюду стоны, крики пострадавших, погибшие.

Через три дня, после того как движение было восстановлено, отправились дальше. Служить вначале предстояло в Читинской области, в Борзинском укрепрайоне. Где-то год находился там, в пулемётном расчёте при доте. «Кормили плохо», — вспоминает он о том времени, что также стало одной из причин его решения пойти добровольцем на западный фронт. Вместе с боевым другом Алексеем Рыбушкиным написали заявление, но принимавший их подполковник сказал: «Эх, ребятки, не надо вам туда. А воевать ещё и здесь будете...»

Видимо, учитывая желание молодых солдат участвовать непосредственно в боевых действиях, их вскоре перевели в погра-



ничную дивизию. День и ночь находились они в полной боевой готовности, в тревожном ожидании. С окончанием войны с немцами кормить стали лучше. — Но одна война кончилась, другая началась, японская, — продолжает свой рассказ Михаил Иванович. — По приказу командования мы пересекли маньчжурскую границу, переправились через реку Аргунь. Ночью подошли к городу Хайлар. Возле него скопилось огромное количество техники и войск. Помню, утром появились два японских самолёта-разведчика, наши стали по ним стрелять, а они, как заговорённые... Город брали под сильными обстрелами. Небольшими группами перебежали по бетонному мосту, закреплялись на другом берегу речки и держались как могли. Сильные бои были. На десятый день японцы начали сдаваться. Пленных некоторые пинали, били, я же не понимал этого, ведь перед нами были такие же солдаты, выполнявшие приказ и служившие свое-

му народу...

Не раз и не два находил- ся он, как говорится, на грани смертельной опасности. Рассказать об этом его часто просили домашние, особенно дочери Люба и Люда, когда писали сочинения о войне. Вот один из таких эпизодов, происшедших в городе Цицикар. Михаил Иванович был включён в группу по охране штаба дивизии. Однажды, как обычно, стоял на посту. Вроде бы всё было спокойно, и он потихоньку прохаживался по садовой аллее. До сих пор и сам не может понять, почему его настораживал один куст, за которым, как оказалось, и в самом деле таилась опасность. Может, шорох какой услышал, может, внутреннее чутьё подсказало, что надо быть наготове, а может, и какие-то высшие силы распорядились его судьбой. Как бы то ни было, а в бросившегося на него из-за этого куста человека он успел выстрелить в упор. «Утром я сходил посмотреть на этого японца, — говорит Михаил Иванович. — Здоро-

вый, в шерстяных носках, чтобы, значит, бесшумно подкрасться можно было. Даже не знаю, как я опередил его...»

Демобилизовался он в 1948 году. Помог по хозяйству матери, а потом его пригласили на работу в Кураловский детский дом инструктором по труду. Там освоил пчеловодство, и по этой специальности работал затем в школе механизации, в Аграмаковке. А подросли дети — переехали в райцентр, где купили, а после достраивали дом. На пенсию ушёл из пожарной части. Почти шесть десятков лет прожили они вместе с Евдокией Сергеевной, и сейчас уже внуки стали взрослыми. Но прошлое всегда рядом. Разве можно забыть, как в детстве без главного кормильца осталась их большая семья, в которой было девять детей (отца репрессировали и расстреляли). Из дома всех выгнали, и его, двенадцатилетнего подростка, приютит у себя председатель соседнего колхоза. Так за то, что из своего хозяйства ушёл, ему ещё три года тюрьмы грозило. Правда, обошлось.

А юность — это, как для многих из его поколения — война, а о ней не забудешь... Михаил Иванович не раз встречался впоследствии со своим однополчанином Рыбушкиным, который жил в Казани. А с Арбузовым даже вместе работал в Аграмаковке. «Обо всём вспоминали, — замечает ветеран. — Трудно нам пришлось, не дай Бог никому...» И не удивительно, что без волнения смотреть фильмы, где отражены те далёкие события, их солдатские будни с огромными маршбросками в жару по разбитым дорогам и крутым сопкам, малые и большие бои, он не может и всегда говорит: «Я ведь тоже тут где-то, среди многих солдат...»